

БОРИС МАРТЫНОВ

Бразилия в формате БРИКС

Федеративная Республика Бразилия — страна с четкими и детально проработанными внешнеполитическими интересами. Бразильская дипломатия вполне обоснованно считается одной из наиболее опытных и авторитетных на южноамериканском политическом пространстве.

Интерес к БРИКС в Бразилии проявился еще задолго до того, как эксперты «Голдмэн энд Сакс» дали «путевку в жизнь» этому акрониму. Ряд видных бразильских экспертов, среди которых особо выделялся известный дипломат, историк и социолог Элио Жагуариби, еще в конце 1990-х годов на страницах официального журнала МИД Бразилии «Политика эштерна» («Внешняя политика») предлагали наладить «преференциальное сотрудничество стран-гигантов», или «стран-китов» (*países baleias*), среди которых упоминались Бразилия, Россия, Индия и Китай. По мнению других авторов, к этой четверке могли бы в будущем добавиться Аргентина, Турция, Мексика и Индонезия. О «неслучайности» этой инициативы свидетельствовало и то, что она в своих главных чертах совпадала с ранее выдвигавшимися мнениями видных военных экспер-

тов и специалистов в области безопасности.

Нельзя не вспомнить и получившие широкое освещение в этой южноамериканской стране итоги визита министра иностранных дел России Е. М. Примакова, который состоялся в ноябре 1998 года. Он был ознаменован подписанием совместного документа с красноречивым названием «Декларация о сотрудничестве России и Бразилии, устремленном в XXI век». Незадолго до этого Примаков выступил с идеей налаживания «преференциального сотрудничества» между Россией, Китаем и Индией («Треугольник Примакова»), поэтому «устремленные в XXI век» связи с Бразилией вполне могли бы рассматриваться в едином контексте. Таким образом, инициатива БРИКС и для России, и для Бразилии не была чем-то искусственным, а стала развитием линии на усиление их роли в мировой экономике и политике и обеспечение благоприятных внешних условий для всестороннего развития. Но если к России в начале нового столетия относились как к «осколку» некогда великой «сверхдержавы», то «восходящая» ипостась Бразилии как раз именно в этот период обозначилась наиболее четко.

МАРТЫНОВ Борис Федорович — заместитель директора Института Латинской Америки РАН, профессор, доктор политических наук.

Начало подъема

Идея достижения национального и регионального величия прослеживается там еще с конца XIX века (дипломатия барона де Рио-Бранко) и может считаться «традиционной» для крупнейшей и экономически наиболее развитой латиноамериканской страны. Она проявляла себя в конце 1940-х и начале 1950-х годов, при президенте Ж. Варгасе, затем — в период так называемой независимой внешней политики президентов Ж. Кубичека, Ж. Куадросы и Ж. Гуларта в начале 1960-х. Ее мощный потенциал, основывающийся на здоровом

Однако стоит отметить и другое важное обстоятельство — характерный для современной Бразилии внутривнутриполитический консенсус по принципиальным направлениям развития страны и ее нынешнему и будущему позиционированию в мире.

национализме бразильцев, экономическом, демографическом и природно-ресурсном потенциале страны и, наконец, на самих ее физических размерах (5-е место в мире по территории), сумел в свое время преодолеть достаточно короткий период «автоматического равнения» на США (1964—1967). Понадобилось всего три года, чтобы военные, правившие тогда в Бразилии, вновь вернулись к проведению самостоятельного внешнеполитического курса, главной новацией которого стало углубление сотрудничества с соседними латиноамериканскими, развивающимися и

социалистическими государствами (в рамках так называемой политики ответственного прагматизма и неавтоматических союзов, 1970-е годы).

В наши дни идея превращения Бразилии в великую державу, похоже, обрела наконец под собой твердую почву. Выработка (зачастую методом проб и ошибок) национально-ориентированной модели развития, акцентирующей поощрение внутреннего потребительского спроса, сокращение бедности и ликвидацию неграмотности, ознаменовалась к концу первого десятилетия нового века существенным приростом ВВП (2012 год — 7-е место в мире), сокращением бедности, ростом среднего класса и прорывами на некоторых направлениях инновационного развития (гражданское авиастроение, технологии глубоководного бурения, биотехнологии, развитие нетрадиционных видов энергии). Дополнительным (и весьма существенным) подспорьем стало обнаружение

и начало освоения на континентальном шельфе Бразилии и в прилегающей морской экономической зоне крупных запасов нефти. Начав ее экспорт в 2006 году, Бразилия заявила о намерении войти в десятку крупнейших мировых производителей нефти уже к 2025 году¹.

Можно перечислить и другие новые «окна возможностей», которые открываются перед «Страной Южно-

¹ Более четверти экспортируемой бразильской сырой нефти поступает в Китай и еще 24 процента — в США. Ожидается, что к 2020 году экспорт нефти утроится и достигнет 1,5—1,6 миллиона баррелей.

го Креста» на пути ее превращения в одного из глобальных лидеров нынешнего столетия (например, в сфере продовольственной, энергетической и экологической безопасности, в свете того, что экспертами Всемирного банка берется за «100-процентную обеспеченность биоразнообразием», и т. д.). Однако стоит отметить и другое важное обстоятельство — характерный для современной Бразилии внутривнутриполитический консенсус по принципиальным направлениям развития страны и ее нынешнему и будущему позиционированию в мире. Идеиные различия внутри этого общенационального консенсуса на сегодняшний день следует признать минимальными, не выходящими за рамки тактических решений. Выработка такого консенсуса при том, что стратегия и цели развития нашего государства будут наконец-то определены и апробированы, явно не помешала бы и России...

Некоторые авторы говорят о формировании в Бразилии *нового правящего слоя из профбюрократии и предпринимательских элит*, позиционирующего себя в политическом спектре этой страны «чуть левее от центра». Он ставит своей целью достижение «величия» Бразилии при опоре на ее экономические достижения, природно-ресурсный и человеческий потенциал, на основе ее широкого включения в региональные и глобальные связи. Бразилия стремится к подлинно равноправному партнерству с США и странами Запада, однако новый вектор ее мировосприятия направлен на преференциальное сотрудничество с государствами, которые имеют с ней не только «похожие» размеры, но и «похожие» проблемы. Участие в формате БРИКС для Бразилии с этой точки зрения представляется вполне обоснованным и органичным, до-

полняющим ее «стратегию величия» как существенными новыми компонентами, так и некоторыми новыми возможностями.

Это участие по-разному отражается как на традиционных для этой страны направлениях ее внешней политики — *латиноамериканском, североамериканском и южноатлантическом*, так и на новых, четко обозначившихся лишь в последнее десятилетие, — *азиатском и общеглобальном*.

Латиноамериканская политика Бразилии

По этой теме существует масса публикаций. Какого-либо снижения ее активности на этом направлении ни в средне-, ни даже в долгосрочном плане ожидать явно не стоит: как «новичок» в глобальной политике, Бразилия не видит возможности усиления своего позиционирования в мире без опоры на регион. На обеспечение и закрепление этой опоры в последние десятилетия (начиная с 1978 года, «Амазонский пакт») были направлены практически все ее масштабные региональные инициативы («Меркосур» — 1991 год, «Унасур» — 2004 год, Южноамериканский совет обороны — 2008 год и пр.). Что касается результатов этих инициатив, то созданный по инициативе Бразилии «Унасур», по мнению некоторых исследователей, уже сегодня «заменил собой ОАГ»².

Стремясь к сохранению и упрочению регионального лидерства, Бразилия, как можно предполагать, вряд ли будет проявлять особый «энтузиазм» в отношении принятия в БРИКС какого-либо другого государства Латиноамериканского региона (Ар-

² См. А. Zibechi. *Brasil Potencia*. Bogotá, 2012. P. 85.

гентина, Мексика)³. В рамках этого формата она и в долгосрочном плане скорее всего предпочтет сохранять статус «*страны-цивилизации*», которая неформально представляет *южноамериканский субконтинент*. На сегодняшний день (особенно после принятия в БРИК ЮАР и образования БРИКС) явно просматривается линия на превращение его в некий клуб эксклюзивных представителей нескольких цивилизационных «мега-блоков» (не хватает только представителя от исламского мира). Это стремление, наверное, не содержит никакого негатива, если учесть, что некоторые более крупные и политически и экономически ангажированные в глобальные связи страны должны, на наш взгляд, нести большую ответственность за состояние среды международного общения, чем другие, и исходя из этой особой ответственности обладать особыми правами.

Можно предположить в связи с этим, что геополитическая и геоэкономическая ситуация в Западном полушарии в целом, даже с учетом декларированной ориентации на «бразильскую модель» нового президента Мексики, еще долгое время будет нести в себе элемент *биполярности*, когда в сфере влияния США останутся Мексика, Центральная Америка и Карибы. В таком контексте часто озвучиваемая сегодня в бразильских СМИ и аналитических трудах тематика «Южной» Америки

³ Отсюда становится более или менее очевидным, что Бразилия не станет в ближайшее время форсировать институционализацию БРИКС. Принятие устава неизбежно должно будет включать в себя формализацию юридических условий для вступления новых членов. Неформальное же «бытие» БРИКС — как, например, и АТЭС, и «G 8» — дает возможность «неформальным» же образом объявлять мораторий на прием новых членов. Однако при этом Бразилия в полном согласии со своим региональным («цивилизационным») видением БРИКС готова видеть в нем представителя исламского мира (Турция, Египет, Индонезия или Пакистан).

(не антитеза ли «Латинской»?) приобретает особую актуальность, при которой нельзя исключать периодического *обострения американо-бразильских отношений* (несмотря на всю дипломатическую риторику последних лет уже давно пребывающих в «застойной» фазе). Две крупнейшие экономики Западного полушария сегодня скорее дистанцируются (если учесть, что в 2010 году на первое место среди внешнеторговых партнеров Бразилии вышел Китай), чем сближаются друг с другом. И это, в свою очередь, также не может не «подогревать» интереса Бразилии к БРИКС.

Следует сказать несколько слов об «особом» отношении к новому позиционированию Бразилии в регионе *самых латиноамериканцев*, отношении, которое при наличии особо «благоприятных» моментов может в «один прекрасный день» выйти из «тени».

Разговоры о так называемом бразильском субимпериализме, характерные в основном для представителей «левого спектра» латиноамериканской политической мысли, впервые возникли в конце 1960-х годов в связи с проамериканской ориентацией первого военного правительства Бразилии. Сегодня они связываются все теми же «левыми» с усилением экономических и политических позиций Бразилии в регионе. Главными «мишенями» для упреков в «субимпериализме» являются крупнейшие бразильские частные и государственно-частные корпорации, которые успешно «осваивают» регион: «Петробраз», «Вале», «Эмбраэр», «Жердау», «Одебрехт», «Воторантин», «Камарго Корреа» и др. Причиной для их возникновения стало скорее всего то, что если еще в 2001 году совокупный ВВП Бразилии был меньше, чем всей Латинской Америки, то после кризиса 2008 года, из которого экономика

этой страны сумела выйти достаточно успешно, он превзошел общерегиональный показатель.

Однако конкретика дел противоречила алармизму пророчеств: в эти годы наблюдалось общее укрепление, а не ухудшение отношений Бразилии с соседями по региону. Возникавшие время от времени противоречия (с Боливией, Парагваем, Эквадором) решались в согласии с историческими традициями бразильской дипломатии — мирно и к взаимной выгоде, а разработка общерегиональных инфраструктурных проектов (дорожной сети — IIRSA, «Большого газового кольца») с решающей долей участия в них бразильских фирм сулила крупные выгоды для участвующих в них государств. С созданием в 2008 году по инициативе Бразилии Южноамериканского совета обороны (ЮАСО) начался процесс того, что было названо «эндогенизацией южноамериканской дилеммы безопасности», когда страны региона впервые, без участия США, начали совместно задумываться о состоянии своей безопасности и обороны⁴. Таким образом, сторонникам идеи «субимпериализма», с одной стороны, пока явно не хватает эмпирического материала, а с другой, как, пожалуй, и всем левым вообще, — адекватного видения проблемы *практического* становления новых мировых центров силы как антитезы традиционной глобальной экономической элите.

Африканский вектор бразильской политики

Южная Атлантика — это тот самый ареал, где Бразилия всегда стремилась и стремится иметь «право голоса». Интерес к сотрудничеству с ЮАР проявился еще в 1970-е годы, несмот-

ря на наличие в этой стране режима апартеида и довольно низкие объемы взаимного товарооборота. После англо-аргентинской войны в Южной Атлантике (май—июнь 1982 года) усилиями бразильской дипломатии, при поддержке Аргентины и Уругвая, на 41-й сессии Генассамблеи ООН была принята резолюция о превращении Южной Атлантики в «Зону мира и сотрудничества». Единственным государством, выступившим «против», были США. При всей юридической нечеткости понятия «Зона мира» следует признать, что в определенной степени она все же воспрепятствовала усиленной милитаризации региона.

Крах режима апартеида в ЮАР снял все препоны для активизации геополитического сотрудничества Бразилии с этой страной. В 1990-е годы регулярные военно-морские учения ВМФ Бразилии, Аргентины и Уругвая («Фратерно Амиго», «Нинфа») в Южной Атлантике дополнились началом оперативного взаимодействия с ВМФ ЮАР. Создание «Меркосур», рост экономического и политического потенциала «южноамериканского гиганта», обнаружение в конце 1990-х — начале 2000-х годов крупных месторождений нефти на континентальном шельфе и в прилегающей зоне, а также начало их активной разработки *многokrратно усилили значимость южноатлантического ареала для Бразилии.*

Начиная с 1996 года во всех без исключения документах национальной безопасности этой страны последовательно проводится мысль о необходимости защиты национального достояния — Амазонии — от возможных посягательств со стороны иррегулярных вооруженных формирований из соседних стран, транснациональных структур, приверженцев идеи «общечеловеческого достояния», а также государств, «с преобладающей военной мощью». С 2005 года к «Зеленой» Ама-

⁴ См. A. Zibechi. Brasil Potencia. P. 271.

зони в этих документах добавилась «Голубая» — районы добычи нефти в Южной Атлантике. Для ее защиты в будущем, согласно «Стратегии национальной безопасности» Бразилии 2008 года (СНБ-2008), предполагается создание флота из 8—10 атомных подводных лодок, авианосных соединений, современной военно-транспортной и истребительной авиации.

По результатам социологического опроса, проведенного ИРЕА (Институт прикладных экономических исследований), 67 процентов бразильцев верят, что их страна может подвергнуться вооруженной агрессии в связи с борьбой за обладание ресурсами Амазонии, а 63 процента считают, что агрессия может быть также связана с попытками передела ресурсов «Голубой Амазонии»⁵.

Однако если создание современной армии можно считать «революционным» для этой страны, то дипломатия, тем более коллективная, останется *традиционным* средством защиты ее национальных интересов. Новым внешнеполитическим партнером «Страны Южного Креста» стала *Индия*⁶, интересы которой с Бразилией совпадают как в плане обеспечения безопасности морских коммуникаций в Южном полушарии в целом, включая и Южную Атлантику, так и в контексте их общей борьбы за получение статуса *постоянного члена Совета Безопасности ООН*.

В 2003 году в столице страны с участием Бразилии, Индии и ЮАР был оформлен формат ИБАС (*порт.* — IBAS), «бразилоцентристское» происхождение которого у наблюдателей не вызывало никаких сомнений. Сре-

ди целей были записаны проведение регулярных политических консультаций, помощь наименее развитым странам и (что немаловажно) регулярное проведение совместных военно-морских маневров («ИБСАМАР») с участием флотов всех трех стран в акваториях Южной Атлантики и Индийского океана. Дипломатический инструментарий Бразилии в ИБАС, очевидно, более широк, чем в БРИКС, даже несмотря на присутствие там ядерной державы — Индии. Доказательством может служить принятие в БРИКС в 2011 году ЮАР, произошедшее, как утверждают некоторые наблюдатели, с «подачи» ИБАС (прежде всего — Бразилии).

В выступлении советника президента Лулы по внешнеполитическим вопросам М. Аурелиу Гарсиа на международном семинаре в Бразилии 26 апреля 2003 года идея сотрудничества «стран-гигантов» обуславливалась необходимостью возобновления *правового режима в международных отношениях*. Стимулами сближения таких стран, как Индия, Бразилия и, в перспективе, ЮАР, могли, по его мнению, стать в первую очередь «общность экономических и социальных проблем и проблем безопасности» и их «способность сопротивляться внешнему диктату», в то время как в основе сближения Бразилии, России и Китая им виделся их «крупный производственный и научно-технический потенциал» и «наличие мощных, оснащенных ядерным оружием вооруженных сил».

В кулуарных беседах с представителями Бразилии на различных международных конференциях по БРИКС, проходивших в период с 2002-го по 2012 год, неоднократно доводилось слышать о существовании более тесной «общности» между Бразилией, ЮАР и Индией (история их общего колониального или полу-

⁵ См. «ИРЕА: “Sistema de indicadores de Percepção Social. Defesa Nacional”». P. I. Brasília, 15 de febrero de 2011. P. 5—6.

⁶ Достаточно отметить, что еще в 2000 году товарооборот с Индией не превышал и 1 процента от внешней торговли Бразилии.

колониального развития, совместная борьба против «гегемонизма», «третьемировская» парадигма восхождения, «демократическая солидарность», отсутствие серьезных противоречий в торговле). В то же время Россия и Китай воспринимались несколько *иначе*: Россия — как «бывшая европейская империалистическая держава», а впоследствии — «сверхдержава» с явно выраженными «недоработками» по линии «демократии»; Китай — как восходящая новая «сверхдержава» с авторитарной системой правления, к тому же «наработавшая» с Бразилией широкий пласт торгово-экономических и финансовых противоречий. Россия и Китай как постоянные члены Совбеза ООН (а Россия — еще и член «большой восьмерки») зачастую негласно воспринимаются в «Стране Южного Креста» как «не совсем» или «не в той же степени» пострадавшие от «несправедливостей мирового порядка».

Трудно, однако, упрекать иностранцев в незнании особенностей российской истории или специфики ее современного развития, если об этом недостаточно осведомлены сегодня, наверное, 90 процентов самих россиян. И здесь можно было бы попенять на скудость и недостатки нашей информационной политики, если бы не отсутствие самого *предмета* таковой. Ситуация, на наш взгляд, никоим образом не изменится, пока Россия будет оставаться «страной с непредсказуемой историей», пока она четко и стратегически-направленно не выстроит собственную иерархию интересов, целей и партнерств на мировой арене. Можно сказать, что именно сегодня традиционный для России вопрос «Запад или Восток?» перешел в иную плоскость, многократно усилив свою актуальность. С кем мы: с «восходящими» или с «нисходящими»?

В выступлении представителя Бразилии в «Меркосур» С. Пиньейру Гимараэша на конференции, посвященной проблематике БРИКС, в Порту-Алегри в июне 2012 года особый акцент был сделан на вопросах обеспечения *стратегии безопасности* в условиях «разбалансированного миропорядка». «Безопасность должна стать общей и неделимой», — заявил он, призывая рассматривать параллельно вопросы финансово-экономической безопасности, связанные с *мировым финансовым кризисом, а также вопросы реформирования системы ООН и международного права*. При этом С. Пиньейру Гимараэш настаивал на необходимости руководствоваться *стратегическими направлениями развития БРИКС*, ориентированными на долгосрочный период развития (от 15 до 20 лет), которые будут ставить цель достижения взаимопонимания по наиболее общим вопросам политики безопасности, включая военно-политическую, финансово-экономическую, информационную, экологическую, культурную и другие ее виды и подвиды. Тактические же вопросы сотрудничества, вокруг которых в основном и концентрируются сейчас противоречия между участниками формата, он предложил выносить на другие уровни (ООН, «G 20», ВТО, ИБАС).

Вопрос о «выживаемости» БРИКС С. Пиньейру Гимараэш поставил, таким образом, в зависимость *не от наличия конкретных противоречий между ее участниками* (которые, по его мнению, вполне естественны и по мере развития сотрудничества могут даже множиться), а от стремления его лидеров руководствоваться *собственными стратегиями развития*. *Расширение поля совпадающих интересов* должно стать при этом залогом успешности формата в целом. Каково состояние этого «поля» на сегодняшний день?

Что разделяет и что сближает страны БРИКС?

Наибольшая степень совпадения интересов БРИКС наблюдается в сфере борьбы с такими проблемами глобальной безопасности, как *бедность, неконтролируемая миграция, терроризм, контрабанда наркотиков и оружия, пиратство*. Здесь же следует рассматривать и достаточно высокий уровень взаимопонимания участников формата по всей проблематике решения *региональных конфликтов и проблемы нераспространения оружия массового поражения*.

Подход Бразилии традиционно отвергает любые попытки решения этих проблем с позиции силы, политику несанкционированного Совбезом ООН вмешательства во внутренние дела суверенных стран, практику так называемых гуманитарных интервенций и деления государств по принципу «свой — чужой». Отсюда — возможность успешных коллективных действий БРИКС в сфере *кодификации и прогрессивного развития международного права* для устранения образовавшихся там многочисленных лакун и коллизий (определение терроризма, детализация норм о борьбе с пиратством, уточнение статуса комбатантов и некомбатантов во внутристрановых конфликтах и пр.).

Бразилия полностью поддерживает позицию остальных участников формата в отношении реформирования мировой валютно-финансовой системы и повышения квот «восходящих» стран в международных финансовых организациях (МВФ, Всемирный банк), а также по вопросу о создании новой резервной валюты (валют) и переходе БРИКС на взаиморасчеты в национальных денежных единицах⁷.

⁷ Бразилия стала инициатором перехода во взаимных расчетах в «Меркатор» на национальные денежные единицы.

Наибольший уровень «размежевания» внутри БРИКС по *политико-правовым вопросам* пока можно констатировать только в вопросе о предоставлении статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН Бразилии, Индии и ЮАР. Из всех нынешних постоянных членов Совбеза наиболее «непримиримую» позицию в этом вопросе занимает, как известно, руководство КНР. Позицию США можно охарактеризовать в целом как «выжидательно-обструкционистскую», когда, формально выступая за необходимость реформ в организации, Вашингтон предлагает осуществить реформирование Совбеза «в последнюю очередь». Во время визитов нынешнего бразильского президента Д. Руссефф в США и Б. Обамы в Бразилию в 2012 году, бразильцам так и не удалось добиться от Вашингтона недвусмысленной поддержки кандидатуры их страны.

Сегодня становится все более очевидным, что «привязка» Бразилией себя к «Группе 4-х» (Бразилия, Индия, Япония и ФРГ) скорее понижает, чем повышает ее шансы. Отсюда вытекает высокая доля вероятности, что, снизив свою активность в «четверке», Бразилия может попытаться скорректировать позицию Китая через БРИКС при опоре на своих партнеров по ИБАС — Индию и ЮАР и при согласии России видеть «Страну Южного Креста» в качестве постоянного члена Совета Безопасности. *При этом должно соблюдаться требование России о том, что статус пяти прежних членов Совбеза и их эксклюзивные права не будут подвергнуты ревизии.*

Другим камнем преткновения в политико-правовом сотрудничестве «пятерки» БРИКС может стать *проблема борьбы с глобальным потеплением*. Как известно, позиция России, которая в этом вопросе в большей степени смыкается с позицией раз-

витых стран, не признающих «особой ответственности» за деградацию природной среды, отличается от постановки этого вопроса остальными участниками формата, что и продемонстрировали результаты Копенгагенского форума, а также конференции «Рио+20». Дело, однако, в том, что ни та, ни другая группировка особо «не спешат» с выработкой конкретных предложений по данной проблеме, борьба вокруг которой если и обострится, то, по-видимому, еще не скоро. А на сегодняшний день климатическая проблема вряд ли способна стать яблоком раздора в БРИКС.

После вступления на президентский пост в Бразилии Д. Руссефф и последовавшего вскоре некоторого «похолодания» бразильско-иранских отношений, в основе которого лежали гуманитарные вопросы, в БРИКС, казалось, острее, чем ранее, обозначилась проблема различия в отношении к *вопросам демократии и прав человека*. Отношения между «пятеркой» в этом сегменте, на наш взгляд, можно было бы назвать лишь *частично совпадающими*, что, по мнению С. Пиньейру Гимараэша, способно со временем породить *«кризис идентичности»* в БРИКС.

На наш взгляд, и эту проблему не стоит заносить в разряд критических. Вопрос о соблюдении демократии и прав человека для Бразилии, ЮАР и Индии не носит столь же самодовлеющего характера, как, например, для США и других западных стран. Их декларируемая приверженность принципам представительной демократии не имеет и вряд ли когда-нибудь будет иметь в качестве «оргвывода» намерение вмешиваться в чьи-либо внутренние дела или стремление поддерживать такое вмешательство со стороны кого-то другого *без санкции со стороны Совбеза ООН* (чем свидетельствовало, в частности,

сближение позиции всех участников БРИКС по Сирии на последней сессии Генассамблеи ООН). У Бразилии, Индии и ЮАР *совершенно иные, отличные от США и других стран Запада внешнеполитические интересы*. Главный из них — нежелание противопоставлять себя основным принципам международного права и Устава ООН в целях добиться «деанархизации» мировой политики и реформирования международных финансовых структур, а также собственного избрания в постоянные члены Совбеза.

Основные противоречия между странами—участницами БРИКС концентрируются на сегодняшний день в основном в сфере *торгово-экономических отношений*. Из двенадцати нерешенных споров, которые Бразилия выносит на рассмотрение в ВТО, *восемь* так или иначе касаются Китая. Бразильские предприниматели с беспокойством следят за экспансией китайских товаров как на своем внутреннем, так и на южноамериканском рынках; вместе с представителями Запада они выступают против заниженного курса юаня (несмотря на то, что сами подчас сталкиваются с аналогичными обвинениями в отношении реала). Бразильцы недовольны преобладанием сырьевых товаров в своем экспорте в Поднебесную (железная руда, нефть, сельхозпродукция) и отказом КНР увеличивать импорт готовых изделий. Снижение темпов роста бразильской экономики в 2011 году (до 2,9 процента по сравнению с 7,5 процента в 2010-м) и нарастание там негативных тенденций в году текущем во многом связываются с замедлением темпов роста мировой экономики, в том числе в Китае, и с ухудшением условий внешней торговли из-за конкуренции со стороны китайского импорта на внутреннем рынке.

Профессор А. ди Фрейтас Барбоза и ряд его коллег из Университета Сан Паулу (USP) считают, что Китай стал органической частью глобальной экономики, и поэтому его глобальные интересы теперь, возможно, «шире», чем его интерес к БРИКС⁸. В этом плане «коллективное мнение» большинства представителей бразильского академического сообщества относительно перспектив дальнейшего сотрудничества с КНР, в необходимости которого ни у кого не возникает сомнений, заключается в «усилении поддержки бизнеса со стороны государства» и выработке более адаптированной к *конкретным* нуждам Южноамериканского региона «новой стратегии» при ее должном, отвечающем интересам сегодняшнего дня «информационном обеспечении».

Природные, экономические и интеллектуальные ресурсы, которыми обладает Бразилия, по мнению большинства бразильских аналитиков, позволяют ей достаточно «смело» смотреть на перспективы взаимодействия со второй, а возможно, в недалеком будущем, и первой экономикой мира. Сохранение Бразилией существующей модели развития⁹, увеличение «в разы» ее внутреннего потребления, дальнейшая модернизация и «интеллектуализация» производственного потенциала, чему может способствовать рост цен на

⁸ См. выступление профессора А. ди Фрейтас Барбоза на семинаре «Страны БРИКС в мировой экономике и политике» (Богота, 23 августа 2012 года).

⁹ Во главу угла национальной стратегии экономического развития Бразилии («Plano Brasil Maior» — РВМ, август 2011 года) поставлена задача повышения конкурентоспособности производства товаров и услуг за счет модернизации обрабатывающей промышленности и развития инновационных секторов экономики. Лозунг плана — «Инновации для повышения конкурентоспособности. Повышение конкурентоспособности для ускорения роста».

сырье и продовольствие на мировом рынке, устранение социальных диспропорций, продолжение активной инновационной политики, считают они, способны гарантировать конкурентоспособность страны в отношениях с экономическими гигантами, в том числе — и с Китаем.

Сказанное выше, разумеется, не может исключать негативных сценариев развития, особенно в связи с финансово-экономическим кризисом в развитых странах. Не исключены они и для Бразилии, в 2012 году столкнувшейся с замедлением темпов роста. Вполне возможно, что планы превращения Бразилии в пятую экономику мира уже к 2020 году придется несколько отсрочить. Тем не менее Дж. О’Нил — тот самый, кто в 2001 году стал одним из соавторов акронима БРИК, считает шансы Бразилии на выход в «финал» мировой гонки за лидерство в XXI веке наиболее обнадеживающими из всех стран БРИКС. «Плюсы» Бразилии он видит в том, что, согласно индексу «Growth Environment Score (GES)», включающему в себя 13 показателей развития от 1 до 10 баллов, из всех участников БРИКС в 2011 году лучше всего позиционировалась Бразилия (5,6 балла), за которой следовали Китай (5,5), Россия (4,8) и Индия (4,0). По этому показателю Бразилия уступала только Южной Корее (7,6 балла)¹⁰.

Естественно, однако, предположить, что львиная доля сегодняшнего успеха «Страны Южного Креста» — в правильном определении национальной экономической модели и стратегических направлений развития, которые, будучи помножены на философию уверенного «восхождения» в «мировой табели о рангах», создают хорошую основу для противодействия негативным трендам. ◆

¹⁰ См. «Negócios» (São Paulo). 2012. №. 60.